

УДК 130.3

Опыт понимания образа Павла Смердякова, героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (духовный аспект)

*В. А. Борисов (ORCID: 0009-0008-6370-9080)
независимый исследователь, г. Ульяновск*

В литературоведении сложилось устойчивое понимание образа Павла Федоровича Смердякова как человека неразвитого и малообразованного, как «самолюбивой, надменной и мнительной бездарности», как «прирожденного скептика и атеиста», который, соблазнившись идеями Ивана Карамазова о том, что «все позволено», совершил убийство и ограбление. Главный мотив преступления видится в желании Смердякова обогатиться. И хотя существует понимание, что Смердяков воспользовался рассуждениями Ивана для оправдания планируемого преступления, увидел возможность снять с себя ответственность. Но все же, в рамках общепринятого понимания, львиная доля ответственности лежит на Иване Карамазове, а Павел Смердяков является всего-навсего послушным орудием в его руках, исполнителем его злой воли. В последние годы некоторые литературоведы (например, В. К. Кантор) предпринимают попытки преодолеть эти стереотипы. В статье делается радикальная попытка переосмысления образа Смердякова, в результате чего меняется интерпретация основного конфликта романа, конфигурации взаимоотношений героев, линий духовного напряжения между ними и даже, отчасти, духовного смысла произведения в целом.

Ключевые слова: Достоевский, Павел Смердяков, Книга Иова, двойник, «если нет Бога, то все позволено», теодицея, inferнальность

Experience of Understanding the Image of Pavel Smerdyakov, the Protagonist of F. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov" (Spiritual Aspect)

V. Borisov
Independent researcher, Ulyanovsk

Literary criticism has developed a stable understanding of the image of Pavel Fedorovich Smerdyakov as an undeveloped and poorly educated man, as a "vain, arrogant and hypocritical mediocrity", as a "born sceptic and atheist" who, being seduced by Ivan Karamazov's ideas that "everything is permitted", committed murder and robbery. The main motive of the crime is seen in Smerdyakov's desire for self-enrichment. Although there is an understanding that Smerdyakov used Ivan's reasoning to justify the planned crime and saw an opportunity to absolve himself of responsibility, still, within the framework of the generally accepted understanding, the lion's share of responsibility lies with Ivan Karamazov, while Pavel Smerdyakov is just an obedient tool in his hands, the executor of his evil will. In recent years, some literary critics (namely, V. K. Kantor) have been trying to overcome these stereotypes. The article makes a radical attempt to reevaluate Smerdyakov's image, as a result of which the interpretation of the main conflict of the novel, the configuration of the characters' relationships, the lines of spiritual tension between them, and even, in part, the spiritual meaning of the work as a whole changes.

Keywords: Dostoevsky, Pavel Smerdyakov, the Book of Job, the double, "if God does not exist, then everything is permitted", theodicy, infernality

DOI: 10.64884/3034-2732-2025-4-9

Давно замечено, что отрицательные персонажи интересней и глубже положительных. «Негативные герои, как правило, весьма эмоциональны, отважны, сильны, умны. Это всегда будоражит, вызывает интерес и привлекает взгляд, – говорит психолог Нина Бочарова. – Злодеями не рождаются, ими становятся. Нет плохих и хороших: есть угнетенные, отверженные, обиженные. И причина тому – нелегкая судьба, глубокие психологические травмы. У человека это может вызывать сострадание, сочувствие и желание поддержать»¹. Однако герой романа «Братья Карамазовы» Павел Федорович Смердяков совсем не такой, он мало у кого вызывает сочувствие. Несмотря на то, что с самого начала своей жизни он явственно обижен и судьбой (родился без отца и произошел от городской юродивой Елизаве-

¹ Бочарова Н. Тайна «плохиша»: почему мы любим отрицательных героев? / Сетевое издание Psychologies.ru – официальный сайт журнала Psychologies (Психолоджис). – [Электронный ресурс] URL: <https://www.psychologies.ru/articles/tayna-plohisha-pochemu-myi-lyubim-otritsatelnyih-geroev/> (дата обращения 27.12.2025)

ты Смердящей), и людьми (его родные братья относятся к нему с высокомерным презрением, называют его «вонючий лакей», «хам», «слабоумный идиот», слуга Григорий ему говорит: «ты разве человек <...> ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» (Д30, 14, 114)), его жизненная позиция, его поступки, его внешний облик не привлекают читателя, наоборот, выглядят совершенно отвратительными.

Достоевский не жалеет красок, чтобы добавить к портрету этого персонажа побольше отрицательных черт. Чувствуется, что писателю неприятны буквально все черты героя: и его фамилия, и его лакейство¹, и его манеры и привычки. Смердякову 24 года. Несколько лет он жил в Москве и учился там поварскому искусству. Вернулся постаревшим, «сморщился, пожелтел, стал походить на скопца» (Д30, 14, 115). Очень следит за собой, пользуется помадой для волос и духами, всегда в чистом платье и особенно любит наводить глянец на свои щегольские сапоги, но при этом, сторонится женщин. Как, впрочем, и других людей. Смердяков всех глубоко презирает, говорит самодовольно, доктринерским тоном.

«Воспитали его Марфа Игнатьевна и Григорий Васильевич, но мальчик рос “безо всякой благодарности”, как выражался о нем Григорий, мальчиком диким и смотря на свет из угла. В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией. Он надевал для этого простыню, что составляло вроде как бы ризы, и пел и махал чем-нибудь над мертвою кошкой, как будто кадил. Всё это потихоньку, в величайшей тайне. Григорий поймал его однажды на этом упражнении и больно наказал розгой» (Д30, 14, 114). Писатель показывает жестокость и бесчеловечность персонажа в эпизоде с собакой Жучкой. Лакей Смердяков подучил Илюшу «зверской шутке» – воткнуть в кусок хлеба булавку и бросить бездомной Жучке. Та хлеб проглотила, «завизжала, завертелась и пустилась бежать» (Д30, 14, 480).

Не менее отталкивающе выглядит отношение Смердякова к религии. Двенадцатилетнего мальчика слуга Григорий учит священной истории.

¹ В. К. Кантор пишет о лакействе Смердякова: «...Смердяков не мужик, не крестьянин, он – лакей. Лакейство, по Достоевскому, заключается в духовной бесхребетности, несамостоятельности при удивительном умении соблюдать свои материальные интересы. Генетически лакей есть в России порождение крепостнической эпохи – человек от народа оторванный, состоящий при барине, но барину не ровно, то есть занимающий в сущности межеумочное и унижительное положение. В пореформенную эпоху это явление получает, по мысли Достоевского, расширительное значение. Недостаточность просвещения, его утилитарность порождает массу так называемых «полуобразованных», оторвавшихся от народной культуры, «народной правды» (“Может ли русский мужик против образованного человека чувство иметь? По необразованности своей он никакого чувства не может иметь...” – бормочет Смердяков), и вместе с тем не поднявшихся до высших духовных запросов (так, тот же Смердяков отвергает Гоголя: «Про неправду всё написано»). Можно провести линию, на которой окажется целый ряд самых неприятных автору героев, подпадающих под понятие «лакей», – начиная от Фёдора Павловича и кончая чёртом. «Лакей» есть для Достоевского воплощение зла России». См.: Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики / Владимир Кантор; Рос. ин-т культурологии. – М.: Моск. филос. фонд, 1994. – С. 90.

Тот насмешливо и высокомерно его спрашивает: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?» (Д30, 14, 114). Очень характерен также эпизод в столовой Федора Павловича, когда Смердяков говорит о том, что не было бы греха и в том, чтобы отречься «от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие» (Д30, 14, 117).

Также вызывает отвращение отношение Смердякова к России и к русскому народу. Оно даже породило в кон. XIX в. широко распространившееся понятие «смердяковщина». «Может ли русский мужик против образованного человека чувство иметь? По необразованности своей он никакого чувства не может иметь <...> Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с. <...> Русский народ надо пороть-с...» (Д30: 14, 204-205).

Все эти отвратительные черты составляют подходящую питательную почву для принятия богоборческих идей Ивана Карамазова («если Бога нет, то все позволено»), которые затем вполне логично прорастают чудовищным преступлением, отцеубийством. Образ Смердякова получается гротесковый, карикатурный, памфлетный. Однако гений Достоевского проявляет себя в том, что эта гротесковость оказывается обманчивой. Смердяков предстает одним из самых глубоких и загадочных героев в творчестве писателя. Внешнее прочтение его образа как «злобного и напыщенного вырожденка», как «самолюбивой, надменной и мнительной бездарности», как «прирожденного скептика и атеиста» скрывает подлинное содержание личности Смердякова и глубинный смысл главного конфликта романа.

Внешнее прочтение заставляет думать, что Павел Смердяков является всего-навсего послушным орудием в руках Ивана Карамазова, исполнителем его злой воли: «Несчастный Смердяков, слепо подчинившись идеалу Ивана... совершил преступление»¹. Эта мысль впервые была высказана Орестом Миллером в кон. XIX в. «С тех пор, – пишет В. К. Кантор, – с разной степенью сложности и доказательности, а чаще просто мимоходом (ведь вопрос-то вроде бы второстепенный, а нас интересуют в романе столкновения Добра и Зла, Великий инквизитор и т. п.) утверждает, что “Смердяков – это, так сказать только практик уголовщины. За ним у Достоевского возвышается фигура Ивана Карамазова, идеи и представления которого, как убежден писатель, толкнули Смердякова на преступление, оправдывали и даже возвышали убийцу в его собственных глазах”. Тем самым, возлагая всю полноту ответственности на одного героя, мы целиком и полностью освобождаем от всякой ответственности другого героя. Но если так, то

¹ Миллер О. Русские писатели после Гоголя. – В 3-х тт. – Т. I. – СПб., 1900. – С. 264.

соответственно прямым и недвусмысленным убийцей оказывается Иван, а точнее даже, следуя логике этой мысли, он оказывается «носителем зла» в поэтическом мире романа»¹.

Чуть углубляясь в образ Смердякова, мы начинаем видеть, что он совсем не «слабоумный идиот». Как замечает В. К. Кантор, им был продуман и тонко исполнен план не только с конвертом, который он надорвал и бросил, как сделал бы человек, не знающий, есть ли в нём деньги, тем усилив подозрения на Митю, он разыграл и спектакль с падучей. Более того, наделив Смердякова эпилепсией, как и своего любимого героя – князя Мышкина, Достоевский отделяет его от обычных героев, придает ему свои собственные черты. Это одна из проекций образа самого писателя, эманация его собственных темных душевных глубин. Но если князь Мышкин – это олицетворение светлой стороны личности писателя, то Смердяков – это проявление его темных неизжитых желаний и детских неврозов, подавляемого стремления к отцеубийству, как это заметил З. Фрейд в своей психоаналитической статье².

Мотив двойничества, раздвоения личности очень важен в творчестве Достоевского. Особенно яркое воплощение этот мотив находит в таких романах писателя, как «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы». Для Достоевского двойничество – это и литературный прием («художественный прием, который основан на создании системы двойников в произведении с целью раскрытия образа главного героя»³), и способ духовного существования, в котором реализуется проблема выбора между добром и злом («дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей»).

Согласно общему убеждению литературоведов, Смердяков – это один из двух двойников Ивана Карамазова. Первый – это черт, «приживальщик», воплощение собственных мыслей и чувств Ивана, но «только самых гадких и глупых». Смердяков же, как считается, воплощает в жизнь теорию Ивана, превращая идею «все позволено» в реальное убийство с ограблением. При этом всю вину он перекладывает на Ивана. «Вы убили, – заявляет он своему «учителю», – вы главный убивец и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным и по слову вашему дело это и совершил» (ДЗ0: 15, 59). В. К. Кантор полагает, что Смердяков «не может рассматриваться... отдельно, ибо он двойник Ивана, а стало быть, становится понятен только

¹ Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики / Владимир Кантор; Рос. ин-т культурологии. – М.: Моск. филос. фонд, 1994. – С. 84–85.

² Фрейд З. Достоевский и отцеубийство / Электронная библиотека Royallib.com. – [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/freyd_zigmund/dostoevskiy_i_ottseubiystvo.html (дата обращения 27.12.2025)

³ Котова Н. С., Кудряшов И. А. Феномен двойничества в аспекте текстуальной поэтики // Современные научные исследования и инновации. – [Электронный ресурс] URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61412> (дата обращения 27.12.2025)

рядом с ним»¹. Но в то же время его нельзя рассматривать как «героя второго плана». Иван Карамазов вовсе не доминирует над своим двойником Смердяковым, совсем наоборот, Смердяков, будучи кровно связан с героем, с его некоторыми не осознаваемыми им самим желаниями, постепенно подчиняет себе Ивана. М. М. Бахтин замечает, что Смердяков «овладевает постепенно тем голосом Ивана, который тот сам от себя скрывает. Смердяков может управлять этим голосом именно потому, что сознание Ивана в эту сторону не глядит и не хочет глядеть. Он добивается, наконец, от Ивана нужного ему дела и слова»².

Подобно черту, Смердяков сам пытается выдать себя за двойника Ивана, обольстить и искусить его. Он льстит Ивану, подстраивается к нему снизу вверх, притворяется глуповатым и трусливым, делает вид, что старается ему понравиться. Однако все это только маскировка, которой Смердяков вводит в заблуждение не только Ивана и других героев романа, но и читателей, и даже литературоведов. В. К. Кантор отмечает, что даже правду «Смердяков рассказывает... с тем, чтобы ее скрыть. Все видят его истинное лицо труса и подлеца, и это оказывается гарантией остаться вне подозрений. То есть лицо оказывается одновременно как бы и маской»³.

За маской самоуничужения и деланной трусости скрывается дьявольская гордыня и ненависть к людям, время от времени обнажаясь по ходу романа. Злоба и презрение к Ивану все явственней проступают в поведении Смердякова. На их последней встрече он уже ничего не скрывает. Он смотрит на Ивана «исступленно-ненавистным взглядом <...> не то что с презрением, а почти с какою-то уже гадливостью» (ДЗ0: 15, 59), говорит с ним «небывало высокомерным» тоном. Становится понятным, что все поведение Смердякова было лживым, что его мотивация совсем не такая простая, как все подумали, он не просто воспользовался теорией Ивана для оправдания своего преступления (такое понимание поведения Смердякова вполне ошибочно утвердилось в литературоведении), наоборот, это Смердяков соблазнил Ивана совершить мысленный грех отцеубийства и братоубийства («Пусть одна гадина сожрет другую»), хотя бы в соучастии, в молчаливом одобрении. И связав его чувством вины, получил над ним власть. Как замечает В. К. Кантор, эта власть обладает каким-то магическим характером⁴. Иван не может понять, почему он подчиняется Смердякову.

¹ Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики / Владимир Кантор; Рос. ин-т культурологии. – М.: Моск. филос. фонд, 1994. – С. 86.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Эксмо, 2017. – С. 90.

³ Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики / Владимир Кантор; Рос. ин-т культурологии. – М.: Моск. филос. фонд, 1994. – С. 91.

⁴ Кантор В. К. Предсказание непредсказуемого: магические герои и тоталитарное будущее: крошка Цахес и Павел Смердяков / В. Кантор // Вопросы литературы: журнал критики и литературоведения. – 2011. – № 1. – С. 127–128.

«Прочь, негодяй, какая я тебе компания, дурак!» – полетело было с языка его, но, к величайшему его удивлению, слетело с языка совсем другое.

– Что батюшка, спит или проснулся? – тихо и смиренно проговорил он, себе самому неожиданно, и вдруг, тоже совсем неожиданно, сел на скамейку. На мгновение ему стало чуть не страшно, он вспомнил это потом. Смердяков стоял против него, закинув руки за спину, и глядел с уверенностью, почти строго» (ДЗ0: 14, 243).

Смердяков пытается убедить Ивана, что именно Иван подговаривал Смердякова совершить убийство. В черновых набросках к роману Достоевский пишет о мучительных раздумьях Ивана перед третьим свиданием со Смердяковым: «Не убей Митя, а убей Смердяков, и тогда он, Иван, несомненно убийца, ибо он несомненно подговаривал Смердякова. Да подговаривал ли, так ли это? Не знаю» (ДЗ0: 15, 329). В кошмаре другой двойник, черт, говорит Ивану: «Я тебя вожу между верой и безверием попеременно...» (ДЗ0: 15, 80). Явственно ощущается сходство психологических методов, с помощью которых оба двойника воздействуют на Ивана, подталкивая его к мысленному преступлению и сводя его с ума. Возникает чувство, что Смердяков и черт выполняют как будто бы одну и ту же демоническую работу с душой Ивана. В своем последнем разговоре с Иваном Смердяков больше не видит смысла притворяться (ведь все уже сделано) и окончательно снимает маску: «вы виновны во всем-с, ибо про убийство вы знали-с и мне убить поручили-с, а сами, все знавши, уехали. Потому и хочу вам в сей вечер это в глаза доказать, что главный убивец во всем здесь единый вы-с, а я только самый не главный, хоть это и я убил. А вы самый законный убивец и есть!» (ДЗ0: 15, 63). Он подробно пересказывает Ивану весь ход преступления.

– Ты не глуп, – проговорил Иван, как бы пораженный; кровь ударила ему в лицо, – я прежде думал, что ты глуп¹. Ты теперь серьезен! – заметил он, как-то вдруг по-новому глядя на Смердякова.

– От гордости вашей думали, что я глуп... (ДЗ0: 15, 68)

Еще не веря в то, что Смердяков полностью овладел его душой, еще не осознав, что все предыдущее поведение Смердякова было притворным, Иван восклицает все еще с оттенком прежнего превозношения над своим бывшим лакеем:

– Повторяю тебе, если не убил тебя, то единственно потому, что ты мне на завтра нужен, помни это, не забывай!

– А что ж, убейте-с. Убейте теперь, – вдруг странно проговорил Смердяков, странно смотря на Ивана. – Не посмеете и этого-с, – прибавил он, горько усмехнувшись, – ничего не посмеете, прежний смелый человек-с! (ДЗ0: 15, 68)

В последнем разговоре Ивана и Смердякова не только обнаруживается подлинное лицо Смердякова, но и явственно проступает основной кон-

¹ Здесь тоже параллель между чертом и Смердяковым. Иван говорит черту: «Ты глуп и пошл. Ты ужасно глуп. Нет, я тебя не вынесу! Что мне делать, что мне делать!»

фликт романа, главная линия напряжения. Однако проступает этот конфликт не на идейно-теоретическом уровне, как в разговоре Ивана с Алешей в главах «Бунт» и «Великий Инквизитор», а на уровне его практического жизненного разрешения. И выглядит он совсем не так возвышенно, не так «по-книжному», как в прошлых пафосных речах Ивана. Наоборот, свидание со Смердяковым проходит некрасиво и обыденно, а оттого особенно страшно. Иван отчетливо видит жизненный облик своих идей.

Можно с уверенностью сказать, что этот конфликт является основным не только для «Братьев Карамазовых», но и для большинства других романов Достоевского: и для «Бесов», и для «Преступления и наказания», и для «Идиота». Это конфликт человека и Бога: с одной стороны – проблема справедливости, смирения и бунта, а с другой – проблема теодицеи, оправдания Бога перед лицом невинных человеческих страданий. Духовной опорой в попытках понять суть этого экзистенциального конфликта и найти путь его разрешения для Достоевского был опыт изучения Св. Писания и, в частности, Книги Иова.

С Книгой Иова, согласно его собственному свидетельству, Достоевский познакомился еще в раннем детстве, когда он был «почти младенцем» (ДЗ0: 29(2), 43), и она произвела на него неизгладимое впечатление, поразив своей философской и художественной мощью. На то, что Книга Иова является структурообразующим элементом в поэтике «Братьев Карамазовых», указывают многие литературоведы. К. В. Мочульский, один из лучших биографов Достоевского, приходит к следующему заключению: «Из всей Библии Достоевский больше всего любил книгу Иова. Он сам был Иовом, спорящим с Богом о правде и правосудии. И Бог послал ему, как Иову, великое испытание веры. Никто так бесстрашно не боролся с Богом, как автор «Легенды о Великом Инквизиторе», никто с такой любовью не спрашивал Его о справедливости устройства мира, и никто, наверное, так не любил Его»¹.

Невинно страдающий Иов вступает в конфликт с Богом, требуя объяснить смысл его страданий. Бог является Иову и говорит о невозможности для человека понять мироздание. Иов раскаивается, и Бог прощает его, наградив новой жизнью. Но не только Бог прощает Иова, но и Иов прощает Бога за причиненные ему страдания. Также из глубокого непонимания смысла невинных страданий вырастает бунт Ивана Карамазова. Он тоже, казалось бы, взывает к Богу, чтобы тот объяснил ему смысл, однако, в отличие от Иова, он не раскаивается и не прощает Богу несправедливости: «Я не Бога не принимаю, ... я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять», потому что «гармония мира не стоит слезинки замученного ребёнка». Иван так и остается в мятежном состоянии непонимания смысла страданий, потому что без прощения и без покаяния невозможно от Бога получить ответ.

¹ Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» / Достоевский: Материалы и исследования. – 1994. – №11. – С. 125–126.

Темный двойник Ивана, черт, тоже ссылается на Книгу Иова: «Сколько, например, надо было погубить душ и опозорить честных репутаций, чтобы получить одного только праведного Иова, на котором меня так зло поддели во время оно!» И в этом высказывании просвечивает дьявольская сторона души Ивана, которая мучает его, но не выпускает, не позволяет раскаяться.

Но из всех героев романа в наибольшей степени Книга Иова связана с образом старца Зосимы. Как отмечает Н. Ефимова, «главные идеи, выделенные Зосимой в Книге Иова, довольно близки взглядам самого Достоевского <...> Основная тайна книги Иова... заключается в подлинности последнего жеста Иова – его подчинения Богу, которое произвело такое глубокое впечатление на Зосиму (выраженное в словах: “Буди имя Твое благословенно, несмотря на то что казнишь меня”)¹. Взгляды Ивана и старца Зосимы противоположны. Зосима благословляет Бога и сотворенный им мир в глубоком убеждении, что «надо всем-то правда Божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая» (Д30: 14, 265). Иван не прощает Бога и мира Божьего не принимает. Однако если последовательно считать Книгу Иова структурообразующим элементом в поэтике «Братьев Карамазовых», то противоположностью старца Зосимы окажется вовсе не Иван, а Смердяков. Зосима реально любит и благословляет Бога. Иван – отвлеченный от жизни теоретик. Он умозрительно жалеет «деточек» и также умозрительно не прощает Бога за то, что Бог несправедлив с невинными детьми. Реальные отношения с Богом именно у Смердякова. И если смотреть через призму Книги Иова, то по-настоящему «бездны сатанинские» раскрываются именно в личности Смердякова, хотя напрямую в связи со Смердяковым Достоевский никогда эту книгу не упоминает. Действительно, Смердяков – полная противоположность и старцу Зосиме, и Иову. Он глубоко обижен на Бога за свой «жребий с самого сыздетства», вполне реально считает самого себя невинным страдальцем, но не взывает к Богу, желая понять смысл своих мучений, ему и так все абсолютно ясно. Смердяков непримиримо ненавидит Бога. Эта ненависть становится движущим принципом его жизни. Всю свою жизнь Смердяков мстит Богу за свою несправедливую судьбу.

Убежденность в том, что Бог несправедливо с ним поступил, освобождает Смердякова от всякой морали и от угрызений совести. Ему все позволено, он вышел за грань добра и зла. Смердяков перекладывает вину за свое преступление даже не на Ивана, а на Бога. Ему все позволено, не потому что Бога нет, а потому что Бог несправедлив.

Неверно называть Смердякова атеистом. Он верит в Бога и ненавидит Его. Ненавидит Бога в первую очередь, а уже только потом ненавидит сотворенный Богом мир и людей. Характерно, что перед самоубийством он читает книгу прп. Исаака Сирина, одного из самых глубоких духовных писателей, обладавшего богатым опытом практического богообщения. Он чи-

¹ Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» / Достоевский: Материалы и исследования. – 1994. – №11. – С. 127–128.

тает эту книгу не потому, что ищет пути к Богу и к покаянию. Он это делает для разжигания в себе ненависти к Богу. Подобно Иуде или Великому Инквизитору, общение с Христом (в данном случае, через книгу прп. Исаака Сирина) приводит Смердякова не к раскаянию, а к еще большему озлоблению. Достоевский показывает, что Смердякову нет нужды искать Бога, поскольку он и так явственно ощущает Его присутствие. Вот диалог Смердякова с Иваном:

– Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления, тут он теперь, третий этот, находится, между нами двумя.

– Кто он? Кто находится? Кто третий? – испуганно проговорил Иван Федорович, озираясь кругом и поспешно ища глазами кого-то по всем углам.

– Третий этот – Бог-с, самое это Провидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете (Д30, 15, 60).

В отличие от Ивана и других демонических героев-богоборцев, таких как, например, Кириллов из романа «Бесы» или Ипполит Терентьев из романа «Идиот», которые истерически стремятся что-то доказать, совершить какой-то публичный жест, «заявить своеволие», Смердяков спокоен, холоден и расчетлив. Главный мотив его поступков – это ненависть и месть. Из мстительности он хотел разбогатеть, из мстительности он убил Федора Павловича, из мстительности он сначала маскируется, а затем открывается Ивану. Богатство ему не нужно, ему нужно отомстить. Если бы Смердяков начал новую жизнь на украденные 3 тысячи, это означало бы, что он простил Богу несправедливость. Но Смердяков не прощает Бога. Он до конца хочет взыскать с Него.

И самоубийство он совершает именно из мстительности, чем радикально отличается от других героев-самоубийц, Свидригайлова, Ставрогина, Кириллова. Свидригайлов и Ставрогин достигают предела душевной развращенности. Кириллова сводит с ума идея «человекобога»¹. А вот предсмертная записка Смердякова: «Истребляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы никого не винить». Фраза «чтобы никого не винить» говорит вовсе не о его проснувшейся совести, а о расчетливой мстительности. Он еще раз отводит от себя подозрения, показывая, что его смерть никак не связана с какими-то людьми, показывая, что он тут ни при чем. Он имел возможность в своей предсмертной записке оправдать Митю, заявить на себя, представить доказательства. Но он этого не делает. Наобо-

¹ Кириллов говорит Петру Верховенскому: «Я хочу заявить своеволие. Пусть один, но сделаю... Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому... Я хочу высший пункт и себя убью... Я обязан неверие заявить... Для меня нет выше идеи, что Бога нет <...> Если нет Бога, то я бог... Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие... Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? Это так, как бедный получил наследство и испугался и не смеет подойти к мешку, почитая себя малосильным владеть» (Д30: 10, 470).

рот, вместе с собой Смердяков уничтожает всякую возможность доказать невиновность Дмитрия. Он мстит братьям, но на самом деле, он мстит Богу. Смердякову хотелось бы убить Бога, но это ему недоступно.

Павел Федорович Смердяков – это не просто второстепенный малосимпатичный персонаж романа «Братья Карамазовы», это не просто служебный «двойник» Ивана, через которого образ Ивана становится более понятен читателям. Смердяков – это один из самых загадочных героев во всех произведениях Ф. М. Достоевского. И по всей видимости, его и невозможно до конца разгадать. Ведь его многозначность граничит с inferнальностью. Причем эта демоничность растворена в серой обыденности, замаскирована демонстративной заурядностью и бездарностью. Это поистине та «банальность зла», сквозь которую просвечивает чернота адской бездны. Смердяков – более жуткий и пугающий персонаж, чем даже черт из кошмара Ивана Карамазова. Его чудовищность усиливается тем, что герой постоянно вводит в заблуждение всех окружающих¹. В общем восприятии он так и остается «слабоумным идиотом», которого поразила теория «всё позволено», и он совершает убийство с целью обогащения. Либо его образ связывается с идеологическим понятием «смердяковщина», с нелюбовью к Родине, с этакой диссидентской «пятой колонной». Но всё это маскировка, обман, морок, который продолжает наводить на читателей образ Смердякова. Его подлинная сущность проглядывает из-под маски внезапно, как во время их последнего свидания с Иваном, вызывая мистический ужас:

– Сумасшедший! – завопил он и, быстро вскочив с места, откатнулся назад, так что стукнулся спиной об стену и как будто прилип к стене, весь вытянувшись в нитку. Он в безумном ужасе смотрел на Смердякова (ДЗ0, 15, 60).

Возможно, даже сам писатель не предполагал, насколько глубоким получится этот демонический образ. И на протяжении уже почти полтора столетия читатели будут всматриваться в него, как в бездну, пугаясь и находя все новые смыслы...

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Эксмо, 2017. – 416 с.
2. Бочарова Н. Тайна «плохиша»: почему мы любим отрицательных героев? / Сетевое издание Psychologies.ru – официальный сайт журнала Psychologies (Психолоджис). – [Электронный ресурс] URL: <https://www.psychologies.ru>

¹ Н. Ефимова отмечает, что «в тайне подчинения Иова Богу содержится одно важное условие. Оно соответствует единственному требованию Зосимы к ближним – искренности к себе и окружающим. Он настоятельно советует г-же Хохлаковой: “Главное, убегайте лжи, всякой лжи... Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, всякую минуту”». См.: Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» / Достоевский: Материалы и исследования. – 1994. – №11. – С. 128.

psychologies.ru/articles/tayna-plohisha-pochemu-myi-lyubim-otritsatelnyih-geroev/
(дата обращения 27.12.2025)

3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М.: Наука, 1972-1990. – Т. 14, 15.

4. Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» / Достоевский: Материалы и исследования. – 1994. – №11. – С. 122-132.

5. Кантор В. К. В поисках личности: опыт русской классики / Владимир Кантор; Рос. ин-т культурологии. – М.: Моск. филос. фонд, 1994. – 239 с.

6. Кантор В. К. Предсказание непредсказуемого: магические герои и тоталитарное будущее: крошка Цахес и Павел Смердяков / В. Кантор // Вопросы литературы: журнал критики и литературоведения. – 2011. – № 1. – С. 115–143.

7. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Феномен двойничества в аспекте текстуальной поэтики // Современные научные исследования и инновации. – [Электронный ресурс] URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61412> (дата обращения 27.12.2025)

8. Миллер О. Русские писатели после Гоголя. – В 3-х тт. – Т. I. – СПб., 1900. – 427 с.

9. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство / Электронная библиотека RoyalLib.com. – [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/freйд_zigmund/dostoevskiy_i_ottseubiystvo.html (дата обращения 27.12.2025)